

Наклонение и время

(к вопросу о взаимосвязях грамматических категорий)

Обсуждение интересующей нас проблемы начнем с констатации двух исходных утверждений, которые, на наш взгляд, представляются бесспорными. Первое: граммы глагольных категорий наклонения и времени играют важную роль в формировании смысла высказывания. Второе: категории наклонения и времени тесно связаны друг с другом и даже "характеризуются «взаимопроникновением»" [Лайонс 1978, 335].

Споры и дискуссии возникают при обсуждении вопроса о характере связи между указанными категориями, что определяется и наличием разных трактовок этих категорий, и неоднзначности представлениями о составе форм, включаемых в рассматриваемые категории. Принял участие в названных дискуссиях и автор настоящей статьи [Володин, Храковский 1977; Храковский 1980; Храковский, Володин 1986]. Напомним основные выводы, которые сделаны в этих работах. 1) Нет двух равноположенных категорий наклонения и времени, 2) Есть одна категория наклонения, а время представляет собой субкатегорию наклонения, 3) Императив не является формой наклонения, 4) Наклонение – это категория, которая характеризует реальность/нереальность сообщаемого факта с точки зрения говорящего, а временная отнесенность представляет собой способ существования реальности. Иными словами, с помощью категории наклонения говорящий относит сообщаемый факт либо к миру реальных событий, либо к миру возможных событий [Храковский, Володин 1986, 64, 65, 68].

Теоретические положения, впервые обнародованные в 1977г. сейчас уже не кажутся полностью бесспорными. Пришло время для частичной ревизии концепции. Стимулом для этого служат, во-первых, отдельные эмпирические факты, которые в свое время, к сожалению, оказались не учтенными, а во-вторых, конструктивные критические замечания, которые были высказаны в некоторых из рецензий [Лефельдт 1988, Величова 1988].

В результате ревизии прежних взглядов мы приходим к следующим важным модификациям нашей концепции. 1) Наклонение и время являются самостоятельными, хотя и взаимосвязанными категориями: время характеризует не только сферу реальности

(как мы утверждали ранее), но может характеризовать и сферу ирреальности (что мы ранее отрицали). Иными словами, теперь мы полагаем, что реальный сообщаемый факт существует во времени, а ирреальный сообщаемый факт может мыслиться во времени,^{1 2)} Императив является формой наклонения, маркирующей положение вещей, которое из ирреального может превратиться в реальное. В итоге, наше нынешнее понимание наклонения и времени довольно близко их традиционной трактовке (все возвращается на круги своя), хотя несомненно изменилась и углубилась соответствующая аргументация. Не проводя специального анализа эволюции наших взглядов (этому будет посвящена отдельная работа), мы в данной статье намереваемся внимательно рассмотреть вопрос о взаимосвязи категорий наклонения и времени.

В этих целях нам необходимо обратиться к анализу структуры семантического представления словоформы глагола. Правдоподобная гипотеза относительно устройства семантического представления глагольной словоформы на материале агглютинативного хингалутского языка представлена в работе (Кибрик 1989). Финитный глагол в этом языке, кроме корня, включает показатели вида, времени и наклонения. Напр.: *ки=р=ет=ми* 'делает', где *ки=* - корень, *=р=* - показатель несовершенного вида, *=ет=* - показатель настоящего определенного времени, *=ми* - показатель изъявительного наклонения.

Несколько упрощая реальное положение вещей, семантическое представление этой и подобных глагольных словоформ можно уподобить набору матрешек. Внутренняя матрешка - это значение корня. Она заполняет переменную в значении категории вида, представляющей следующую матрешку. Несовершенному виду дается следующее приблизительное толкование: 'длится и не имеет результата событие X', где (в данном случае) X = 'делать' - значение корневой морфемы. Значение категории вида в свою очередь заполняет переменную в значении категории времени, представляющей собой следующую матрешку. Настоящему определенному времени дается такое приблизительное толкование: 'в момент речи имеет место X', где (в данном случае) X - 'длится и не имеет результата событие делать', т.е. сочетание значений вида и корневой морфемы. Значение категории времени заполняет переменную в значении категории наклонения, представляющей

собой последнюю внешнюю матрешку. Значение изъявительного наклонения приблизительно толкуется, как 'верно, что X', где (в данном случае) X - 'в момент речи имеет место, длится и не имеет результата событие делать', т.е. сочетание значений времени, вида и корневого морфемы.

Из этой гипотезы следует, что взаимосвязи категорий прецедентно определяются устройством семантического представления глагольной словоформы: взаимосвязанными являются такие пары категорий (вид - время, время - наклонение), у которых значения одной категории вкладываются в значения другой категории, причем "расположение служебных аффиксов относительно корня повторяет структуру семантического представления словоформы" (Кибрик 1989, 8).

Опираясь на эту гипотезу, которая подводит теоретический фундамент под эмпирически наблюдаемые факты взаимосвязи наклонения и времени, обратимся к систематическому анализу этой взаимосвязи, поставив целью рассмотреть, что происходит с категорией времени при переходе от одной категориальной формы наклонения к другой, а именно от индикатива (=изъявительного наклонения) к императиву (=повелительному наклонению). Иными словами, исходным объектом нашего исследования будут глагольные формы, в состав которых входит показатель индикатива, а само исследование заключается в замене заданных форм другими, отличающимися от заданных только тем, что в них показатель индикатива заменен показателем императива. Задача исследования сводится к тому, чтобы установить, как реагирует на замену индикатива императивом категория времени.

Если в каком-либо языке глаголу присущи категории наклонения и времени, то обычно в индикативе представлены все возможные в этом языке временные формы. Если же от индикатива перейти к императиву, то здесь ситуация в корне меняется. В подавляющем большинстве случаев у императива нет временных форм. Такое отторжение категории времени объясняется не тем, что значения императива и времени в принципе совсем не совместимы. Напротив, отторжение происходит в силу внутренне присущей императиву презентно-футуральной рамки, т.е. того, что действие, обозначаемое императивной формой, либо уже реализуется в момент речи (читай = 'продолжай читать', т.е. делай то,

что ты уже делаешь, — презентная перспектива), либо должно начать реализоваться после момента речи (читай = 'начинай читать', т.е. делай то, что ты еще не делаешь, — фyuтyральная перспектива).

Присущая императиву презентно-фyuтyральная рамка объясняет его многообразие связи с соответствующими временными формами индикатива. Эта связь, например, проявляется в том, что в некоторых языках, в частности в славянских, специализированные центральные формы императива 2л. ед.ч. образуются от основы настоящего времени индикатива: (рус.) *смотри=и, читай=и*.

Далее эта связь проявляется в том, что некоторые императивные формы по происхождению являются формами настоящего или будущего времени, либо восходят к этим формам. Ср.: (фр.) *parle 'говори', parlez 'говорите', parlons 'давай(те) говорить'*, (рус.) *идем, идемте, пусть идет, пусть идут*.

Наконец, эта связь проявляется в том, что в отдельных языках презентные и/или фyuтyральные формы индикатива выступают как полноправные синонимы императивных форм, не уступая им в употребительности. Именно такая ситуация характерна для языка иврит, где повеление ко 2л. выражается как формами императива (*saper 'расскажи' (м.р.), sari 'расскажи' (ж.р.), sari 'расскажите'*), так и формами фyuтyрума (*tesaper 'расскажи' (м.р.), tesari 'расскажи' (ж.р.), tesaru 'расскажите'*). Семантические различия между "стандартным" и "фyuтyральным" императивом трудноуловимы. Считается, что "фyuтyральный" императив в принципе более вежлив, чем "стандартный". Существенно вместе с тем подчеркнуть, что в иврите нет специализированных императивных форм 1л. и 3л., и соответствующие формы фyuтyрума — это единственные формы, способные выразить повелительное значение (1л. мн.ч. *lesaper 'давай(те) расскажем'*, 1л. ед.ч. *'asaper 'расскажу=ка я'*, 3л. ед.ч. м.р. *yesaper 'пусть он расскажет'*, 3л. ед.ч. ж.р. *tesaper 'пусть она расскажет'*, 3л. мн.ч. *yesaru 'пусть они расскажут'*).

Сходная ситуация наблюдается и в языке кламат (языковая семья кламат-сахаптин, макросемья пенути, США, штат Орегон), где форма будущего времени (показатель =wabg/=wark) выступает как полноправный синоним любой формы, входящей в императивную парадигму (временные формы индикатива в отличие от

форм императива по лицам не изменяются).² Ср.: *ksəbli=∅* 'принеси живое (=рыбу) обратно' - императив 2л. ед.ч., *ksəbli=war̥k* 'принеси живое (=рыбу) обратно' - футурум; *ksot̥gi=k* 'положу=ка я живое вниз (рыбу на шампур)' - императив 1л. ед.ч., *ksot̥gi=ar̥k* 'положу=ка я живое вниз (рыбу на шампур)' - футурум.

Если говорить об отличиях стандартного и футурального императива, то наблюдается следующая тенденция: стандартный императив предпочтительно употребляется в простых предложениях, а футуральный в сложных, причем в цепочке последовательных действий первое действие всегда обозначается стандартным императивом, а последующие - футуральным: *sət̥waaY=i ?is gen, lolp ?is sodeebalii=war̥k* 'Помоги ты-мне это, глаза ты-мне сделай-мне-снова'.

Нам остается добавить, что презентные и футуральные формы индикатива в принципе имеют тенденцию в косвенных речевых актах выступать в качестве функциональных синонимов императивных форм 2л. (Завтра Вы подаете/подадите заявление об уходе по собственному желанию).

Суммируя сказанное, можно утверждать, что категории наклонения и времени не только взаимосвязаны, но и взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие проявляется в том, что значение времени заполняет переменную в значении индикатива, но является константным компонентом в значении императива. Иными словами, действия, обозначаемые индикативными формами, могут осуществляться до момента речи, в момент речи и после момента речи, тогда как действия, обозначаемые императивными формами, в общем случае должны либо продолжать осуществляться после момента речи, либо начать осуществляться после момента речи, т.е. они тесно связаны с планом будущего времени. Если согласиться с предложенной трактовкой, то придется признать, что утверждение, в соответствии с которым значение времени заполняет переменную в значении наклонения [Кибрик 1989, 8], а не его отдельных категориальных форм, и в первую очередь индикатива, является слишком сильным.

Только на первый взгляд сделанному выводу противоречат факты, к рассмотрению которых мы сейчас переходим. В некоторых языках существует оппозиция императивных форм, которая в грамматиках квалифицируется как временная. К числу таких язы-

ков относится латинь, где различаются императив настоящего времени (*imperativus praesentis*): *lauda* 'хвали сейчас', *laudate* 'хвалите сейчас' и императив будущего времени (*imperativus futuri*): *laudatō* 'хвали потом', *laudatōte* 'хвалите потом'. На самом деле эта оппозиция не является временной в том смысле, в соответствии с которым мы различаем индикативные формы настоящего и будущего времени. Действие, обозначаемое императивом настоящего времени, проецируется в план будущего времени и происходит либо непосредственно после момента речи: *Manus lavā et cenā* (Cic. De or. 2,246) 'Вмой руки и обедай', либо через любой временной интервал: *Si me diligis, postriedie Calendas cenā apud me* (Cic. Att. 4,12) 'Если ты меня любил, пообедай у меня на другой день после календ'. Действие, обозначаемое императивом будущего времени, естественно тоже проецируется в план будущего времени, но всегда происходит только через какой-либо временной интервал после момента речи: *Si me diligis, ad me littēras mittito* (Cic. Fam. 3,9,2) 'Если ты меня любил, пришли мне письмо'.

Таким образом, и императив настоящего времени, и императив будущего времени обозначают будущее действие, а суть их различий состоит в том, что сфера действия императива будущего времени распространяется только на часть отрезка временной оси, который составляет сферу действия императива настоящего времени. Иными словами, императив настоящего времени всегда можно употребить вместо императива будущего времени, но не наоборот. Из сказанного следует, что и в латини у императива нет категории времени, однако здесь место этой категории занимает другая категория, которую условно можно характеризовать, как категорию временной ориентации, поскольку различие образующих ее форм связано с обязательностью/необязательностью наличия интервала между моментом речи и моментом исполнения действия.

Сходная ситуация наблюдается в тунгусо-маньчжурских языках, в частности в нанайском языке [Аврорин 1961]. Здесь во 2л. различаются императив ближайшего будущего и императив отдаленного будущего. Показатель императива ближайшего будущего — суффикс =ру/=у/=о= (хола=у 'читай сейчас', хола=у=су 'читайте сейчас', дёбо=ру 'работай сейчас', дёбо=о=су 'работайте

сейчас'). Показатель императива отдаленного будущего - суффикс =хари=/=хэри= (чимана хола=хари 'завтра читай', чимана хола=хар=су 'завтра читайте', дёбо=хари 'работай потом', дёбо=хар=су 'работайте потом'). Если языковые факты описаны точно, то дистрибуция императивных форм в нанайском языке не такая, как в латыни. В нанайском языке императивные формы находятся в отношении дополнительной дистрибуции: императив ближайшего будущего обозначает действия, которые происходят немедленно после момента речи, т.е. без интервала, тогда как императив отдаленного будущего обозначает действия, которые происходят через какой-либо интервал после момента речи.

Впрочем, можно думать, что дистрибуция императивных форм в тунгусо-маньчжурских языках напоминает дистрибуцию императивных форм в латыни. В этом нас убеждает знакомство с фактами эвенкийского языка. Хотя в грамматике этого языка в соответствии с существующей традицией описания говорится, что "глагол побудительного наклонения дифференцируется по степени временной отдаленности совершения побудительного действия от момента речи: различается побудительное действие ближайшего будущего и отдаленного будущего времени" [Константинова 1964, 183], примеры, любезно предоставленные в наше распоряжение Н.Я. Булатовой, позволяют сделать вывод, что сфера действия императива ближайшего будущего (показатель 2л. ед.ч. =кал/=кал) распространяется на всю временную ось после момента речи, тогда как сфера действия императива отдаленного будущего (показатель 2л. ед.ч. =дэви/=дэви) требует наличия интервала после момента речи и при этом императив отдаленного будущего обозначает смягченное повеление. Ср.: Си эрты эмэ=кал 'Ты тотчас приходи', Си тыматнэ эмэ=кал 'Ты завтра приходи' и Си тыматнэ эмэ=дэви 'Ты завтра приходи', Окса, тэли эмэ=дэви 'Сделав, тогда приходи'. Таким образом, и в тунгусо-маньчжурских языках императив ближайшего будущего и императив отдаленного будущего независимо от той или другой их интерпретации образуют категорию временной ориентации.

Хотя грамматическая категория временной ориентации представлена в языках относительно редко, тем не менее с прагматической точки зрения этот параметр является очень важным, и во многих случаях значения этой категории реализуются с по-

мощью различных формальных средств, не образующих категориального единства.

Например, в эскимосском языке повелительное значение выражается как с помощью форм императива, так и с помощью форм оптатива, причем выбор этих форм определяется следующими правилами: действия, которые должны происходить немедленно после момента речи, обозначаются с помощью императивных форм (ныг=и 'ешь немедленно'), действия, которые должны происходить через интервал после момента речи (прагматически часто после какого-либо другого действия), обозначаются с помощью оптативных форм (ныннйтн такжккувык, укини=лга=тнн 'есть кончив, шей').

Иное соотношение императивных и оптативных форм наблюдается в близкородственном эскимосскому алеутском языке. Здесь форма оптатива обозначает действие, которое должно быть совершено немедленно после момента речи, и при этом повеление является вежливым (ака=а=хт 'подойди немедленно, пожалуйста'), тогда как форма императива обозначает действие, которое не маркировано ни по времени его совершения после момента речи, ни по вежливости (ака=а=да 'подойди').

В славянских языках временная ориентация окказионально осуществляется с помощью категории вида. В частности, в русском языке императивная форма НСВ выражает действие, происходящее немедленно после момента речи (Включайте свет), а также после любой эксплицитно названной точки отсчета (Через час слушайте важное сообщение), тогда как форма СВ выражает действие, происходящее или немедленно после момента речи (Включи телевизор), или через любой временной интервал (Сходи в театр) [Храковский 1988, Падучева 1989].

Наши краткие итоговые замечания сводятся к следующему. Сопоставительный анализ индикатива и императива, составляющих тот обязательный минимум форм, представленных в любых описаниях категории наклонения, позволяет утверждать, что категория наклонения и категория времени не только тесно связаны, но и взаимодействуют друг с другом. Их взаимодействие проявляется в том, что у индикатива есть временные формы, способные локализовать действие в любой точке временной оси, а у императива таких временных форм нет, поскольку презентис-футуральная рамка является компонентом его значения. Таким образом, зна-

чение времени заполняет переменную в значении индикатива, но не императива. Вместе с тем факультативно императиву может быть присуща категория временной ориентации, которая маркирует различную локализацию действия внутри присущей императиву презентно-футуральной рамки.

Примечания

- ¹ В Лефельдт справедливо отметил, что "нетрудно найти языки, в которых время есть способ существования не только реальности, но и нереальности; ср. в нем. - *Ich würde lesen - Ich hätte (gestern gern) gelesen* и т.п." Лефельдт 1988, 310 .
- ² О языке кламат см. работы Баркер 1964, Стегний 1983 .
- ³ Латинские примеры заимствованы из работы Соболевский 1948, 191 .

Литература

- Аврорин 1961 - Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. М.; Л., 1961, т.2.
- Баркер 1964 - Barker M.A.R. *Klamath Grammar // University of California. Publications in Linguistics.V.32, Los-Angeles, 1964.*
- Беличова 1988 - Beličová H. *O sémantice a tipologii imperativu, zejména ruského // Československá rusistika, 1988, N2.*
- Володин, Храковский 1977 - Володин А.П., Храковский В.С. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977
- Кибрик 1989 - Кибрик А.Е. Типология: таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая // ВЯ, 1989, № 1.
- Константинова 1964 - Константинова О.А. Эвенкийский язык. М.; Л., 1964.
- Лайонз 1978 - Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику М., 1978
- Лефельдт 1988 - Lehfeldt W., Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Ленинград, Наука, 1986, стр. 272 // *Russian Linguistics*,

1988, № 12.

- Падучева 1989 - Paduceva E.V. Семантика и прагматика несовершенного вида императива в русском языке // *Studia Slavica Finlandensia*, 1989, t.VI.
- Соболевский 1948 - Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Морфология и синтаксис. М., 1948.
- Стегний 1983 - Стегний В.А. Морфологическая структура глагола в языке кламат. АКД. М., 1983.
- Храковский 1980 - Храковский В.С. Соотношение модальных и временных компонентов высказывания // *Otázky slovanské syntaxe*, IV/2, 1980.
- Храковский 1988 - Храковский В.С. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // *Russian Linguistics*, 1988, N 12.
- Храковский, Володин 1986 - Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.